

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Проф. П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ (Ленинград)

Молодые рецидивистки

Сравнительное изучение мужской и женской преступности показывает значительно большую устойчивость преступных наклонностей у женщин, вступивших на путь преступности. Процент рецидивисток среди осужденных женщин повсюду выше, чем среди осужденных мужчин. По тюремной переписи в СССР, произведенной в конце 1926 г., число рецидивисток среди осужденных к лишению свободы мужчин было 23,2%, а среди женщин — 31%. Процент этот, по словам Б. Утевского, подвергнувшего анализу цифры рецидива, значительно ниже действительного. Наиболее точная английская статистика осужденных дает нам за последние годы 83—86% рецидивисток среди осуждаемых женщин (для мужчин этот процент колеблется на уровне 55 — 60%). Старший инспектор английских женских тюрем Мери Гордон в своей книге (*Penal discipline, London, 1922*) приводит данные о прежней судимости 11.043 женщин, осужденных английскими судами в 1921 г. Из этого числа только 2942 (26,5%) не могли быть опознаны как рецидивистки и, вероятно, являлись в большинстве своем первичными преступницами, 8.100 имели в прошлом судимости, и при том в следующем числе случаев:

1—4 раз—3.062
5 раз 299
6—7 раз 970

11—20 раз—1.128
свыше 20 раз—2.648.

По исчислениям М. Гордон, за 1910—1920 г. через женские тюрьмы прошло всего не более 5.000 женщин, но на долю их падает свыше 30.000 осуждений.

Совершив свое первое преступление и попав в тюрьму, женщина быстро попадает вниз по наклонной плоскости и лишь в редких случаях находит достаточно сил в себе самой и достаточно поддержки в окружающих, чтобы вернуться к честной трудовой жизни. Новые осуждения быстро следуют

одно за другим. И через несколько лет мы имеем пред собою вполне сложившийся тип преступницы-профессионалки, шансы на исправление которой весьма сомнительны.

Чем объяснить такую склонность к рецидиву среди женщин и в чем можно найти против этого надежные профилактические средства? Вопрос этот невольно должен стать пред криминологом, изучающим факторы и формы преступности. Между тем до сих пор мы не имеем даже попыток к объяснению этого явления. Большинство авторов, писавших о женской преступности, сосредоточивало свое внимание на тех преступлениях, которые можно назвать преимущественно женскими: детоубийстве, семейном убийстве, некоторых половых преступлениях и т. п. Вопрос же о женском рецидиве по преступлениям обще-уголовного характера оставался в тени. Ставя перед собою этот вопрос, мы в настоящей статье не берем на себя задачи осветить его с той разносторонностью, какой он требует. Наша задача значительно скромнее: мы хотим подчеркнуть то значение, какое имеет в формировании типа женщины-рецидивистки молодой возраст, возраст наибольшего расцвета сил женщин, возраст, в который интенсивнее, чем в какую либо иную пору, формируется социальная личность человека, вырабатываются его жизненные привычки, завязываются более прочные трудовые и социальные отношения. Молодой возраст—это период выхода в самостоятельную жизнь, время установки профессиональной ориентации, пора регулярной половой жизни и полоса наибольшей активности человека.

Настоящая статья является отрывком более обширного исследования, посвященного изучению молодых преступников, базирующегося на обследовании, произведенном летом 1928 г. силами сотрудников Ленинградского Кабинета при Гос. Институте по изучению преступности и преступника под руководством автора. В состав обследования, охватившего 163 молодых заключенных в возрасте 17—22 лет, вошла и небольшая группа из 13-ти чел. молодых женщин-рецидивисток, на материалах которой преимущественно и основана настоящая статья. Принятая нами возрастная грань для определения молодого возраста, конечно, имеет относительное значение. Нередко уже в более раннем возрасте 14—16 лет мы встречаемся с довольно стойкими преступными склонностями, более характерными для старшего возраста, как это видно из дел, передаваемых комиссиями по делам о несовершеннолетних в общие суды; с другой стороны, и после наступления 21 года наблюдаются типы преступников, которые мы легко можем отнести к группе преступной молодежи. Взятый нами возрастной период лишь в среднем для общей массы населения, является нормальным периодом молодой поры. Среди преступниц, обнаруживающих нередко черты умственной и физической отсталости, мы встречаем порою и в этом возрасте индивидов, близких к периоду детства и юности.

В отношении мужской части преступников рядом специальных исследований установлено, что громадное большинство профессиональных преступников формируются в возрасте между 16-ью и 20-ью годами. Уже в 1894 г. английская комиссия по тюремному вопросу обратила внимание на то, что возраст между 16-ью и 21 годом является наиболее частым возрастом совершения первого преступления у преступников-профессионалов. Д-р Г о р и н г, исследовавший подробно преступную карьеру 2204 рецидивистов каторжных тюрем в Англии в 1919 г. установил, что свыше 50% их имели судимость в возрасте до 20 лет; на возраст между 15-ью и 20-ью годами падало 39% первых судимостей рецидивистов, тогда как из числа случайных преступников всего 4,7% совершили преступление в этом возрасте. Известный педагог Стенли Холл в своем классическом труде о юности называет юношеский возраст „возрастом начала преступной карьеры“. У нас, где состав преступников, в общем, моложе, чем в странах Запада, процент лиц, совершающих первое преступление в этом возрасте, по всем вероятностям, должен быть выше.

Правильны ли эти наблюдения для женщин—профессиональных преступниц? Уголовная статистика показывает нам тот, еще не отмеченный в специальной литературе, факт, что возраст между 16-ью и 20-ью годами у женщины является возрастом наименьшего развития женской преступности. По исчислениям, произведенным нами на основании Ленинградской уголовной статистики за 1927 г. в связи с данными переписи конца 1926 г., на 10 000 женщин соответствующего возраста приходилось осужденных за преступления:

Возраст. Число осужд. на 10.000.

16—19 лет	. . . 7
20—24 „	. . . 17
25—29 „	. . . 26
30—39 „	. . . 33
40—49 „	. . . 23
50 и старше	. . . 17
<u>среднее</u>	. . . 21

Возраст 16—20 лет, таким образом, дает коэффициент в три раза меньший, чем средний коэффициент женской преступности, и почти в пять раз меньший, чем возраст между 30-ью и 40 годами.

Тот же факт косвенно подтверждается данными английского исследователя юношеской преступности, К. Бэрта (С. Burt. The young delinquent. London 1925). Сравнивая между собою число лиц мужского и женского пола, направленных в 1922—23 г. в отдельные пенитенциарные и исправит. воспитательные учреждения, он устанавливает, что из числа направленных в ремесленные школы (учреждения для детей, по

общему правилу, до 15 лет) девочки составляли 21,5%, из числа направленных в реформатории (для подростков 15—18 —7,1% и из числа помещенных в тюрьмы (взрослых преступников) женщины составляли 21,2%. Общий процент женской преступности за 1922 — 23 г. в Англии равнялся 33,3%. И здесь нельзя отметить резкого падения процента осуждаемых женщин в возрасте 15—18 лет.

Обстоятельство это находит себе различные объяснения. Девушка значительно дольше, чем юноша находится под наблюдением родителей. В большинстве случаев она остается в семье до замужества и не испытывает, поэтому, трудностей борьбы за существование собственными силами в юном возрасте. Если она остается без работы, то труд в домашнем хозяйстве отвлекает ее от праздности и вредного влияния улицы. В этом возрасте нормально развивающаяся девушка более застенчива и робка, чем юноша. Ее психология во многом отлична от полной резких переходов и колебаний и несколько агрессивной психологии юноши-подростка. Наконец, довольно значительная часть девушек этого возраста, находящаяся в неблагоприятных условиях окружающей среды, соскальзывает скорее на путь проституции, чем на путь преступности. Порою протест против таких губительных для них условий выливается у девушек в форме самоубийства и покушения на него. Известно, что процент самоубийства у девушек этого возраста является наиболее высоким. Таким образом в начале молодого возраста преступные склонности у девушек как бы замирают. Развитие женственности и приближение к порою материнства направляют их эмоционально-инстинктивную природу в сторону известного самоохранения и избегания конфликтов с окружающим.

Но, если обстоятельства жизни девушки сложились таким образом, что она стала на путь преступления в течение этих лет, то создается большое вероятие того, что преступная жизнь глубже втянет ее в себя. Мы, конечно, имеем в виду не те преступления, которые совершаются в большинстве случаев темными, молодыми девушками на почве неудачной любви и материнства, а преступления, имеющие тенденцию превратиться в профессию или привычную преступность, как участие в бандитских и воровских шайках, мошенничества, хулиганство, систематические кражи, корыстные убийства и т. п.

Цитированная уже нами Мария Гордон приводит одно из интересных своих наблюдений над молодыми преступницами. В течение некоторого времени она наблюдала за 21 девушкой в возрасте младше 21 года, приговоренной к тюремному заключению за первое совершенное ими преступление. В течении 12 месяцев, последовавших за их осуждением, эти 21 девушки были приговорены к тюрьме 72 раза. Лишь одна из них ограничилась одной судимостью, все остальные успели набрать от двух до семи судимостей на протяжении одного года. Приводимые нами ниже случаи также показы-

вают, как быстро следуют одна судимость за другой у молодых женщин, ставших на путь общей преступности.

Весьма многое удерживает молодую женщину, побывавшую в тюрьме на преступном поприще. Общеуголовная преступность тесно сближает женщину с преступным миром. Ее молодой возраст привлекает к ней целый круг молодых воров и хулиганов, интимной подругой которых она вскоре делается. Любовь или сексуальная привычка заставляет ее разделять с ними общую судьбу, а жестокость и порою насилия их не позволяют ей уйти из этого круга. В ряду случаев, потеряв к себе уважение, женщина становится на путь уличной проституции или быстро меняющихся случайных связей, которые, озлобляя ее, делают ее жестокой и мстительной. Добыча, получаемая от преступления, или щедрые подарки товарищей из воровской среды позволяют ей легко удовлетворять свои прихоти, доставлять себе лакомства, дешевые наряды, посещать кино и танцульки, и, привыкнув ко всему этому, она начинает свысока смотреть на скромных девушек-тружениц, добывающих свой заработок тяжелым трудом. И при обычных условиях девушка в меньшей степени проникнута сознанием необходимости профессионального труда, чем юноша. Вкусив же плоды легкой наживы, она нередко чувствует прямую враждебность к труду, хотя порою, быть может, и мечтает о возвращении к трудовой жизни. Нередко такая враждебность является результатом ряда неудачных попыток устроиться на регулярной работе. И тюремное прошлое, и дурные связи, и отсутствие надлежащей профессиональной подготовки, а порою и умственная отсталость мешают этому. Уйдя из семьи и зачастую окончательно порвав с нею, такая девушка лишена близких людей, которые могли бы достаточно решительно повлиять на нее в смысле приступа к труду, хотя бы при скромной оплате.

Довольно часто среди молодых преступниц мы встречаем женщин, уже находившихся в браке, но затем разошедшихся или разведенных со своими мужьями. Из 13 обследованных нами случаев в 5-ти, обследованные уже состояли в браке, затем распавшемся. Причины расторжения брака не всегда удалось выяснить, но в преобладающем числе случаев они лежали не на стороне женщины. Неудачно сложившиеся брачные отношения зачастую служат источником повышенной преступности женщин. Преступность разведенных женщин во много раз превышает преступность девиц и замужних. По нашим данным, основанным на разработке Ленинградской преступности за 1927 г., коэффициент преступности (на 1.000 женщин соответствующего семейного состояния) разведенных в четыре с половиною раза был выше коэффициента девиц, и в три раза выше коэффициента замужних женщин. Если принять коэффициент преступности девиц за 100, то по отдельным группам преступлений для разведенных женщин мы будем иметь: для преступлений против личности—

817, для служебных — 900, для имущественных — 345 и для преступлений против порядка управления — 383.

По данным, собранным Д. П. Родиным при производстве в 1924 г. обследования семейного быта женщин-преступниц, содержащихся в московских местах заключения, на одну женщину, осужденную за имущественные преступления, приходилось в среднем — 1,7 мужей; другими словами, из каждых двух женщин одна уже состояла в повторном браке. На каждые 10 женщин в возрасте 20 — 29 лет приходилось беременностей: среди осужденных за имущественные преступления — 11,5, среди осужденных за содействие разврату — 14,3, среди осужденных за прочие преступления — 17,2, наконец, среди рецидивисток — 10,2. Женщина, ставшая на путь рецидива, боится стать матерью и чаще других прибегает к абортам, так как ребенок в ее профессии является тяжелой обузой. На каждые 10 женщин в возрасте 20 — 29 лет приходилось женщин, имевших детей: среди осужденных за имущественные преступления — 4,8, среди рецидивисток — 4,2, при чем в громадном большинстве случаев у них имелся один только ребенок.

Чрезвычайно скудное образование и вытекающая отсюда узость умственных интересов являются частыми факторами преступности молодых женщин. Процент неграмотных среди осужденных женщин у нас очень велик. Не воспроизводя этой широко известной статистики, укажу лишь что из 13 наших случаев в 8-ми обследуемые посещали школу менее одного года, шесть начали свое обучение в возрасте после 10-ти лет. Двое являются совершенно неграмотными, а девять не закончили низшего начального обучения. Причинами оставления школы были в 3 случаях материальная нужда, в одном — болезнь и в пяти — всякое отсутствие охоты к ученью („сама бросила“). Восемь из 13-ти никогда не обучались никакому ремеслу, двое работало короткое время в мастерских и трое — на фабрике. Не удивительно, что книга и газета почти совершенно отсутствуют среди способов расширения познаний об окружающем и их место занимают дешевое кино, рисующее жизнь в ходульных и сентиментально-драматизованных тонах, и полу-фантастические и сдобренные чувственностью рассказы подруг и сомнительной репутации друзей сердца.

Не малую роль в преступлениях, совершаемых молодыми женщинами, играет и алкоголизм. Конечно, значение его в этиологии женских преступлений меньше, чем в этиологии преступлений, совершаемых мужчинами, но, охватывая меньший круг жертв среди женщин, алкоголизм более губительно влияет на тех из них, которые поддались его влиянию. Пьянство у женщины чаще всего сопровождается проституцией, половой распущенностью и сближением с преступными элементами. Характерными преступлениями женщин, подверженных алкоголизму, являются уличные ссоры и брань, квали-

фицируемые у нас как хулиганство, побои и оскорбления, жестокое обращение с детьми, сопротивление власти и пр. Следующая статистика, базирующаяся на данных г. Ленинграда, собранных Н. И. Езерским, за 1926 и 1927 г., и обработанная нами иллюстрирует роль алкоголизма в женской преступности:

Из общего числа осужденных совершили преступления в состоянии опьянения ¹⁾).

Преступл.	1926 г.		1927 г. (в %)	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
против пор. упр.	43%	17%	55,8%	35,4%
против личности	32,5	3,5	34,3	2,6
имущества.	9,8	4,4	12,9	8,5
за все преступ.	28,6	10	37,1	14,7

Приведенные данные указывают прежде всего на значительный рост за один год преступлений, совершаемых в состоянии опьянения как у мужчин, так и у женщин. У первых мы наблюдаем увеличение более чем на одну четверть, а у женщин почти в полтора раза. Наиболее часто совершаются женщинами в состоянии опьянения преступления против порядка управления, среди которых на первом месте стоит хулиганство ²⁾. Более чем одна треть преступлений этого рода была совершена женщинами в пьяном виде. Из всего числа женщин, осужденных за совершение преступления в пьяном виде, 79% в 1926 г. и 80% в 1927 г. были осуждены за преступления против порядка управления. Сравнительно высок процент женщин, совершающих в пьяном виде имущественные преступления. Совершенно не встречается женщин, осужденных за служебные преступления, совершенные в пьяном состоянии. В 1927 г. более одной седьмой части осужденных женщин совершили преступление, будучи пьяными. Нельзя не признать этой цифры весьма тревожным показателем распространения алкоголизма среди женщин. Несомненно, что алкоголизм женщины является одним из серьезнейших факторов, толкающих женщину на путь рецидива. Из 13 обследованных нами 4 систематически были подвержены алкоголизму, а потребительницами алкоголя были почти все.

Наблюдения над правонарушениями девочек переходного возраста 12—14 лет показывают, что неблагоприятные

¹⁾ При исчислении процентов нами отброшены случаи, в которых трезвое или нетрезвое состояние во время совершения преступления не установлено по данным дела. Таких случаев было в 1926 г. 36,2% для мужчин и 46,9% для женщин, а в 1927 г.—33,4% для мужчин и 36,7% для женщин. Общее число осужденных мужчин было в 1926 г.—19,707, в 1927 г.—21,809, а женщин в 1926 г.—2,805 и в 1927 г.—3,580.

²⁾ Процент женщин, привлекаемых за хулиганство в больших городах, не так уже мал за последние годы. Так по московским данным из общего числа привлекавшихся за хулиганство по Москве было женщин: в 1 полугод. 1925 г.—10,4%, 2 полугод. 1925 г.—14,3%, 1 полугод. 1926 г.—6,2%. По Московской губ. соответственные цифры равнялись 0,8, 1,1 и 1,4%.

условия семейного быта и окружающей среды играют значительно большую роль в качестве факторов правонарушений у девочек, чем у мальчиков. Ранее сиротство, проживание по чужим людям или переброски из одного детдома в другой, при плохо поставленном режиме учреждения, пьянство родителей, нужда, дурные соседи и подруги толкают девочек-подростков на улицу, где они постепенно втягиваются в половую распущенность и воровство. В 10 из 13-ти обследованных нами случаев у обследуемых отсутствовал кто-либо из родителей или оба вместе. 8 не помнят своего отца и 6 не помнят матери. В возрасте 8—14 лет трое воспитывались у родственников или в чужой семье и пять в детских домах. В десяти случаях можно отметить влияние плохих товарищей и подруг, в трех—длительное пребывание на улице и тесное знакомство с преступным миром, в девяти—рано привитую страсть к посещению кино. Начали самостоятельную жизнь: одна в возрасте до 15 лет, трое—в возрасте 16—17 лет и 3—около 18-ти лет. Ранее знакомство с половой жизнью можно было установить в пяти случаях.

У тех из обследованных, которые воспитывались в родной семье, в двух случаях отмечается жестокое обращение, в семи—алкоголизм отца, в двух случаях связь родителей с преступным миром, в пяти—крайнее невежество родителей, в двух—половая распущенность их, в одном—профессиональная занятость одинокой матери и в пяти—полное отсутствие внимания со стороны родителей к воспитанию и времяпрепровождению детей. Семьи, из которых вышли обследуемые, не являлись, по общему правилу, многодетными. В трех случаях обследуемые были единственным ребенком, в четырех—имелось двое детей, в двух—по двое и четверо и только в одном случае отмечено наличие шести ребят. Отношения между родителями в большинстве случаев были удовлетворительными и лишь в двух случаях отмечаются частые ссоры и скандалы, сопровождавшиеся побоями.

Уровень материального благополучия семей, по общему правилу, очень низок. Обследуемые являлись в 7-ми случаях детьми рабочих, в 2-х детьми ремесленников и в 4-х детьми—крестьян. В 7 случаях можно характеризовать материальное положение семьи как состояние крайней нужды, в 2-х как уровень жизни, граничащий с нищетой. Что же касается материального положения самих обследуемых, то к моменту совершения последнего преступления почти все они были безработными и жили либо на случайный заработок, либо на средства, получаемые путем проституции или краж.

Тяжелая картина семейного быта и дурных окружающих влияний, испытанных в детские и подростковые годы обследованными нами молодыми рецидивистками, ярко свидетельствует о преобладающей роли социальных факторов при формировании типа ранней преступ-

ницы. Эти факторы, в первую очередь, привели их к безнадзорности и педагогической запущенности в период детства и юношества. И на этом ослабленном базисе легко стали наслаиваться прочие влияния—влияния, через которые легко проходит в условиях большого города воспитанный в здоровой атмосфере подросток и которые легко засасывают в трясины преступности подростка, психически и физически ослабленного и слабо воспитанного для социальной жизни.

Говоря о влиянии неблагоприятных социальных условий, нельзя пройти мимо и того неблагоприятного социального опыта, который был почерпнут обследуемыми в различных учреждениях, в которых им пришлось побывать в связи со своей безпризорностью и преступностью. Из 13-ти обследованных нами молодых женщин пять провели довольно долгое время в детских домах. Во всех случаях мы имели детские дома для нормальных, а не трудновоспитуемых детей, и тем не менее вынесенные оттуда впечатления и навыки оказывались весьма неудовлетворительными. Девочка, проведенная в детском доме 8 лет, до 15-летнего возраста, едва научилась там только чтению. Другая, проведенная в детдоме 9 лет, хотя и научилась там грамоте и шитью, но рано приобрела от подруг нездоровый интерес к сексуальности. Третья за семь лет переменяла четыре детских учреждения, хорошего из времени своего пребывания там ничего не помнит, бросила учебу, предпочитая „баловаться с девочками“. Наконец, четвертая, пробыв в детдоме шесть лет, ничему почти там не научилась. Возможно, что некоторую роль в таком печальном результате сыграли личные свойства девочек: умственная отсталость, ранние психические травмы, эмоциональная неустойчивость, но, очевидно, не малую долю влияния как порою на то указывали сами обследуемые, оказала и дурная постановка воспитательной работы в детских учреждениях. Для всех девочек, пробывших длительное время в детских домах, характерен резкий переход к свободе и самостоятельности, которые, при слабой моральной устойчивости и отсутствии жизненного опыта, в ближайшие же месяцы приводили к сближению вышедших из детдома девочек с преступным миром и к совершению ими различных преступлений.

Почти все обследуемые уже побывали в местах заключения за предшествующие судимости. Однако длительность пребывания их там почти всегда сводилась к 2—4 месяцам, в связи с различными сокращениями (по несовершеннолетию, досрочному освобождению и пр.). Если взять срок лишения свободы за последнее преступление, то кроме двух, осужденных за соучастие в убийстве, приговоренных каждая на два года, все остальные были приговорены на сроки менее одного года, несмотря на то, что иные из них имели по пять судимостей и более. Половина из них (6 чел.)

приговорены на сроки менее шести месяцев. Но краткость срока заключения компенсировалась у них, как у рецидивисток, высылкой. Из 13 осужденных 8 должны были быть высланы по окончании заключения. Сами заключенные следующим образом характеризовали влияние на них заключения: пять указывало на то, что оно окончательно убивает в них надежду на честную жизнь и морально разлагает их благодаря дурному обществу и почти полному безделью, семь усматривали в нем простую острастку, урок на будущее время, и одна подчеркивала свое безнадежно-тоскливое состояние, как результат нахождения в тюрьме. Что касается высылки, то все подлежавшие ей, без исключения, с большой злобой и горечью отмечали, что осуществление ее окончательно заставит их отказаться от мыслей о честной жизни и побудит заняться снова воровством и преступностью.

Влияние тюремного заключения на деклассированных молодых женщин в общем, как можно видеть, отрицательное. Рано привыкнув к половой жизни, они тяжело переносят свою изоляцию. Их фантазия полна эротическими образами и мыслями, они стремятся компенсировать себя за свое воздержание цинизмом и сексуальными извращениями. Хозяйственный труд, выполняемый ими, однообразен и несложен и потому неспособен отвлечь их внимания в другую сторону. После привычки к беспорядочной и нерегулярной жизни, они с трудом переносят однообразный режим места заключения, и частые протесты против правил распорядка, и различные дисциплинарные повинности являются частым явлением в женских местах заключения. Среди заключенных всегда имеется не мало женщин, страдающих истерией, психозами, склонных к эпилептическим вспышкам. Свое возбуждение они легко передают своим товаркам по заключению, и в месте заключения царит нередко атмосфера повышенной нервной возбудимости. Строгой классификации заключенных не проводится, и молодые осужденные часто становятся объектами систематического развращения со стороны застарелых проституток и содержательниц притонов разврата, являющихся частыми завсегдатаями мест заключения.

Особенно вредное влияние оказывает на молодых женщин кратковременное пребывание в тюрьме. Попадая сюда часто с улицы или из трущоб, женщина здесь приводится в опрятный вид, вымывается, одевается в чистое белье и платье, получает приличную койку, порою подвергается лечению. Чтобы эта элементарная забота об опрятности тела и одежды вошла в привычку, необходимо некоторое время. Но срок заключения истекает еще до того, как эти гигиенические привычки успеют окрепнуть. О повышении образования и о приучении к регулярному труду в течение коротких месяцев говорить не приходится. Не успевает краткосрочно осужденная и привести в порядок свою растанную алкоголем или наркотиками нервную систему. Если

она страдает гонореей, то лечение ее обрывается в самом начале. Такая осужденная не может иначе смотреть на свое пребывание в тюрьме, как на краткий промежуток вынужденного сиденья между отдельными этапами своей полной авантюры и хмельного веселья жизни.

Признание вредности краткосрочного лишения свободы в общих местах заключения для юношей привело к созданию трудовых домов и реформаторий, срок пребывания в которых нормально является удлиненным, допускающим разумное использование его в целях исправления и оздоровления подростка. Аналогичных учреждений для девушек, проявляющих склонность к повторной преступности пока не создано. А между тем, они в значительно большей степени, чем юноши, нуждаются в более длительном перевоспитании. Каждая женщина в возрасте до 20—21 года, если она не является случайной преступницей, в отношении которой лишение свободы вообще нецелесообразно, при проявлении склонности к рецидиву, должна быть направлена не в общие места заключения, а в учреждения типа женских реформаторий, где она в течение 2—3 лет должна подвергнуться серьезной социальной выправке. Опыт женских реформаторий в Сев. Америке показывает нам те положительные результаты, которые могут быть достигнуты такой мерой. Вместо уродливого применения высылки к молодым рецидивисткам, меры, неизбежно толкающей их в дальнейшем на проституцию, бродяжничество и воровство, необходима организация при освобождении их особого типа попечительного присмотра, облегчающего им возможность устройства в трудовую деятельность и оберегающего их от новых соблазнов и дурных влияний. Женщина рецидивидирует больше мужчины потому, что она, особенно в молодом возрасте, менее застрахована от дурных влияний и легче поддается им, оставшись одинокой. Обязанностью наших общественных организаций является своевременная и достаточно реальная помощь освобождаемым женщинам после того, как надлежаще поставленная врачебно-воспитательная работа в учреждении будет закончена. Пока же приходится признать, что существующая система борьбы с женским рецидивом при помощи краткосрочного лишения свободы и высылки, сама по себе является серьезным фактором роста женского рецидива.

Мы обследовали очень небольшое число молодых рецидивисток—всего 13 человек; из них 8 чел. осуждено за кражи, 3—за хулиганство с наличием в прошлом судимостей за хулиганство и кражи и 2—за соучастие в убийстве, опять—таки с воровским прошлым. В группе осужденных за кражи трое имело уже по пять судимостей, двое по четыре судимости, двое по две судимости и одна имела одну предшествующую судимость, хотя совершала кражи неоднократно.

Из трех, осужденных за хулиганство, одна имела три придшествующие судимости за то же преступление, другая — две судимости за кражи и третья — две судимости за хулиганство. Наконец, две осужденные за соучастие в убийстве имели в прошлом судимость за кражу. Таким образом, занятие кражами является и у женщин характерным показателем рецидивизма.

По возрасту обследуемые распределялись следующим образом: 17 лет—1, 18-ти лет—3, 19-ти лет—1, 20 лет—1, 21 года—3 и 22 лет—4. Значительное большинство их, однако, начало свою преступную деятельность в возрасте 16—18 лет.

Мы приведем краткие биографические сведения о всех обследованных, распределив их на три группы по их последним судимостям.

В группе осужденных за кражу мы находим почти исключительно молодых городских женщин, вышедших из пролетарских семей (6 из рабочей среды, 1 из семьи ремесленника и 1—из крестьянской семьи). В этой группе преобладают женщины 20—22 лет (6 случаев). Все они жили в Ленинграде с раннего детства. Трое из них, имевшие обоих родителей, жили в семье до самого совершения преступления. У других семейные условия были менее благополучными.

1) Одна рано лишилась матери и с 9 лет должна была перейти в чужую семью, где работала трикотажницей в течение 3 лет до закрытия мастерской. С 17-ти лет, очутившись без работы и пристанища, стала гулять, приучилась курить и пить, и постепенно стала проституткой—воровкой, имевшей к 22 годам уже 5 судимостей за карманные и магазинные кражи и хулиганство. На проституцию и преступления — по ее словам—толкает нужда. Готова идти на любую работу, чтобы какнибудь прожить.

2) Другая рано лишилась отца, мать же скоро опустилась, запьянствовала и стала скитаться по ночлежкам. Девочка находилась до 15 лет в детском доме; в этом возрасте ее взяла к себе мать, имевшая тогда небольшой заработок и комнату. Провела девочка в детдоме 8 лет, но едва научилась там читать и писать, зато уже с раннего возраста усвоила от подруг сведения о половой жизни. По выходе из детдома 17-ти лет она сошлась с вором, позднее высланным из Ленинграда, который научил ее воровать. Уже в 17 лет она имела первую судимость за кражи. Специализировалась на карманных кражах, и к настоящему времени—22 годам—имеет уже пять судимостей, все за карманные кражи. С 19-ти лет, кроме того, стала заниматься проституцией; каждый день посещала пивные, кино, увеселительные сады; заразилась сифилисом. Систематически пьянствует, определенного местожительства не имеет. К 22 годам считает себя безнадежной. Говорит, что по выходе из тюрьмы будет продолжать воровать, хотя и мечтает о муже, детях и работе в мастерской.

3) Анна Ф. эстонка 20 лет, до 15 лет воспитывалась у родителей в Нарве. Отец ее был пожарным; родители жили бедно, но дружно и к детям относились хорошо. Был у ней старший брат, который повесился, и это несчастье потрясло семью. Осталась она и 4 младших сестры. Девочка никогда не посещала школы, немного училась самоучкой при помощи отца и с 10 лет поступила уже в прядильную мастерскую, где зарабатывала рублей 16 в месяц. Достигнув 15-ти лет, она ушла из дому из-за нужды. Возможно также, что причиной ухода было стремление к более свободной жизни, так как уже с 14 летнего возраста она стала жить половой жизнью. К этому времени относится и первое привлечение ее в комиссию о несовершеннолетних, которая направила ее в детский дом. По выходе оттуда, в возрасте 16 лет, она вышла замуж за рабочего 22 лет, который пил, гулял и вообще, по ее словам, был человеком неважным. От него она имела ребенка, которого передала на воспитание матери. Короткое время участвовала в комсомоле, в кружках по пению и рисованию. Собрания ее не интересовали. Вскоре разошлась с мужем, который стал жить с ее сестрой, и стала систематически пить, посещая пивные чуть ли не ежедневно, жила с краж. К 20 годам имеет уже пять судимостей преимущественно за квартирные кражи; предстоит высылка. Анна—здоровая, немного истеричная женщина, хотела бы работать, но в случае применения высылки решила продолжать занятие воровством.

4) Клавдия К. 17 лет, дочь крестьян—бедняков, с 5-ти лет потеряла связь с родителями и была помещена в детский дом, где воспитывалась до 14 лет; воспоминания о пребывании в воспитательном учреждении сохранила хорошие, научилась там грамоте и шитью. Порою вечерами убегала из детдома в кино с подругами смотреть фильмы „про любовь“. По выходе из детдома поступила белошвейкой в мастерскую, но проработав там полгода, поругалась с заведующим и ушла оттуда, с того времени без работы. Сошлась с рабочим, кочегаром завода 24 лет, так же воспитавшемся в детском доме. Муж, по ее словам, хороший человек, но пьет, хотя не запоем. Жили вместе. Дважды судилась за кражи, и в настоящее время ей предстоит высылка. Клавдия страдает эпилептическими припадками и, возможно, что совершение краж связано с этим ее болезненным состоянием, хотя она и склонна об'яснять это испытываемой нуждой. Безработица и траты мужа на вино значительно подрывают семейный бюджет. Вероятным также является влияние дурных подруг, с которыми она, вследствие праздности, любит проводить время.

5) Евдокия Т. 22 лет, сирота, лишившаяся родителей в возрасте 12 лет. Жила у сестры, которая была замужем, но затем разошлась с мужем и существовала на весьма скромный заработок. Отец ее был старшим дворником, мать—прачкой. Из-за пьянства и побоев отца атмосфера в семье была

тяжелой. Девочка окончила три класса школы, но дальше из-за нужды не могла продолжать учение. С 14 лет стала искать работы, но имела ее лишь урывками через Биржу Труда, оставаясь большую часть времени безработной. Рано усвоила себе дурные привычки: курит с 9 лет (научили подруги), пьет, а с тех пор, как пошла воровать, напивается до потери сознания. Ворует с 17 лет, в последний раз застигнута при совершении кражи со взломом в компании с двумя подругами. Приговорена к году лишения свободы и высылке. С 18 лет сожительствует с рабочим, о котором отзывается хорошо. Злоупотребление курением и алкоголем наложило свою печать на Евдокию: она эмоционально развинчена, беспричинно смеется, то впадает в слезливость, часто краснеет, говорит хрипло. Хотела бы работать, но боится высылки и думает, что при выполнении ее будет продолжать воровать.

В двух случаях совершения краж молодыми женщинам, жившими в семье, мы наблюдаем яркую картину ранней безнадзорности, осложненной дурным влиянием подруг. Марфа К. 19 лет, судилась шесть раз за кражи и за последнюю кражу приговорена к лишению свободы и высылке.

б) Марфа воспитывалась в семье, где мать и отец работали на фабрике, заработок их был хорошим, и девочка с ее младшей сестрой ни в чем ни нуждались. Родители, повидимому, мало интересовались воспитанием дочери. Она училась в школе всего менее года и убежала отуда: „ученье трудно давалось и не охота была“. Профессиональному труду также никогда не училась. С 15-ти лет начала гулять с подругами, стала чуть ли не ежедневно посещать кино, театры, танцы. Дурная подруга научила воровать и сблизила с преступным миром. К 16-ти годам Марфа уже имела судимость за кражу. Это не помешало ей вступить в брак с рабочим ф-ки Скороход. Однако, прожила с ним недолго и развелась, так как узнала, что он гуляет с другой. Осталась жить с родителями и снова сошлась с подругами, систематически начав воровать. Деньги тратила на наряды и развлечения. Объясняет свое поведение молодостью и глупостью. Хотела бы поступить на работу на резиновую фабрику, но высылка препятствует. Безнадзорность и праздность девушки послужили главной причиной ее ранней преступности.

7) Пелагея С., уроженка Москвы, 18 лет, дочь рабочего. После смерти матери обследуемой отец вступил во второй брак. Мачеха старалась выжить детей из дому. Отец—человек слабого здоровья, запойный пьяница, нервный, вел распущенный образ жизни и после смерти матери проводил все время в компании проституток, из среды которых взял себе вторую жену. Оба они били детей и немилосердно эксплуатировали. Девочка в возрасте 15 лет ушла из дому и больше туда не вернулась. Один год проработала на швейной фабрике, а затем, повидимому, стала заниматься проституцией. В 16 лет сошлась с парнем 20 лет из беспризорных,

профессиональным воров, имевшим 7 судимостей за кражи. Стала воровать с ним вместе, жила в ночлежке, дважды привлекалась к суду за кражи и считает, что и впредь будет воровать, так как на работу ее никто не возьмет. Пелагея страдает, повидимому, умственной отсталостью. В школе никогда не училась, неграмотная, совершенно лишена воли, вялая, озлобленная. Лицо невыразительное, приниженное. Дурная наследственность и дурной пример отца, воровская среда и безработица сделали ее профессиональной воровкой.

8) Последний обследованный нами случай—женская кража Валентины Е. 21 года. Валентина—дочь рабочего, жила с родителями, которые относились к ней хорошо. Однако оба родителя предавались пьянству и мало заботились о девочке, которая росла без всякого присмотра, гуляя с ребятами рабочих. В школе пробыла всего шесть месяцев, грамота показалась трудной, и она вышла оттуда; не обучалась никакому профессиональному труду. С ранних лет стала усердной посетительницей кино, с 14 лет начала курить, а несколько позднее пить вино, гулять с парнями. За всю юность работала лишь в течение нескольких месяцев, в качестве черно-рабочей при складе. В деньгах не нуждалась, живя на средства родителей, в хороших жилищных условиях. Стала красть, чтобы иметь деньги на наряды. Об'ясняет это глупостью и слабоволием. Это об'яснение соответствует действительности, так как Валентина производит впечатление умственно отсталой и безвольной девушки, легко внушаемой. Кино и дурные привычки, усвоенные на почве праздности и безнадзорности, способствовали ее падению. Осуждена за вторичную кражу к году лишения свободы и к высылке.

В группе рецидивисток-воровок мы наблюдаем особенно ярко влияние безнадзорности и дурной семейной обстановки. Хотя большая половина обследованных имела обоих родителей, только двое жили до момента совершения преступления в семье с родителями, двое жили в детдомах, двое из них ушли из семьи и жили у чужих, а затем самостоятельно, и одна проживала с сестрой.. Детство почти у всех было крайне суровое. Пятеро из них были частыми свидетельницами алкоголизма отца, а порою и матери, семейных ссор и побоев. Лишь в двух случаях родители относились к девочкам с заботливостью, в остальных дети росли в состоянии полной безнадзорности. Все они малограмотны (одна научилась читать лишь в тюрьме), и бросили учебу из-за неохоты к нему и трудности. Характерным является и круг их развлечений, интересов и привычек. С ранних лет у них пробудилась страсть к кино с фильмами преимущественно на любовные сюжеты, к танцам, к красивым нарядам. Все они курят (одна уже с 9 лет), пьют, некоторые посещают пивные чуть ли не ежедневно. Половую жизнь начали в возрасте 14-16 лет. Трое из них были уже замужем, вступив в брак 16-17 лет, но двое успели уже развестись, а у третьей муж

умер. Затем наступили многочисленные случайные связи и у 4 из них—проституция. Пятеро делали попытку заняться трудом в раннем детстве (10-12 лет), но вскоре бросили его. Двое никогда никаким трудом не занимались. Предшествовавшая совершению преступления безработица, является скорее результатом их неприспособленности к труду, нежели следствием объективных условий. Праздность и безнадзорность неизбежно толкали девушек к общению с порочными подругами и с распушенной или преступной мужской молодежью. В одних случаях впадение в проституцию предшествовало занятию воровством, в других вскоре следовало за последним. Мотивами преступлений частично являлась нужда, вызванная невозможностью найти работу, частично страсть к нарядам, развлечениям и легкой жизни.

Еще более тесно связано с проституцией хулиганство среди женщин молодого возраста. 3 случая обследованных нами, показывают, что неблагоприятные условия семейной обстановки и здесь являются главным фактором.

1) Анна Е. 21 год три раза судилась за хулиганство. В последний раз устроила скандал на ст. Званка, облила кипятком охранников, пытавшихся ее арестовать. Осуждена на полтора года лишения свободы и на высылку. Анна родилась в семье крестьян-середняков. Отец ее типичный алкоголик, ежедневно напивался, бил мать и детей. Не было житья от него, и девочка убежала от семьи в Ленинград, где некоторое время была беспризорной, и в качестве таковой попала в приемник при Александро-Невской Лавре, где пробыла полтора года. В школе училась всего три месяца. Вышла из школы 10 лет, так как надо было нянчить младших сестреночек. Несмотря на пребывание в детучреждении, до сих пор малограмотная. С 12 лет стала посещать кино и гулять с подругами. Вернулась к отцу, но, повидимому, мало удовлетворялась деревенской жизнью. В 18 лет сошлась с молодым парнем, с которым стала сожительствовать регулярно, была беременна, но прибегала к абортам. Хулиганские выходки, повидимому, являются реакцией на безобразное поведение отца и вызваны неудовлетворенностью своего положения в семье.

2) Августина К. 19 лет, дочь крестьян, переселившихся в Череповец. Отец оставил семью, когда обследуемой было 6 лет, матери не помнит. Жила со старшими сестрами, служившими домработницами, как и она неграмотными, никогда не учившимися в школе. Жизнь была тяжелая, так как сестры часто меняли места, приходилось испытывать нужду, голод. Сама уже в 7 лет служила в няньках. С нужды стала заниматься рано проституцией, научилась пить и в вине только находила развлечение. Деньги, заработанные от проституции, тратила на вино, сладости и платье. Сожительствовала с парнями, меняя их по несколько раз ежегодно, в 18 лет имела несколько более длительную связь. Заразилась сифилисом, и стала пить еще больше. В прошлом имеет две суди-

мости за мелкие кражи. В последний раз осуждена за хулиганство в пьяном виде на полтора года лишения свободы. Набросилась на милиционера, заступаясь, по ее словам, за подругу. По выходе из исправдома думает взять себя в руки и поступить домработницей

3) Екатерина Р. 21 года, уроженка Ленинграда, дочь рабочего, убитого во время войны. До 16 лет жила с матерью, затем переселилась к дяде, крестьянину бедняку, от которого вскоре ушла назад в Ленинград. Вышла здесь замуж за парня, который оказался вором, вследствие чего разошлась с ним. Вступила во второй брак, но второй муж, по требованию матери, бросил ее. Тогда стала заниматься проституцией. Красивая внешность обеспечивала ей успех в этом деле. Научилась в 17 лет курить и пить от подруг по профессии. Имеет уже 2 судимости за хулиганство, но отделывалась краткими сроками лишения свободы или принуд. работами. Несмотря на слабую грамотность (школу никогда не посещала), довольно развита и держит себя с достоинством. Но проникнута мрачным настроением и чувствует себя обойденной в жизни. Стремится бросить проституцию и поступить на работу. Мечтает о прочной супружеской связи и работе на фабрике.

Из трех осужденных за хулиганство двое являлись крестьянками, а третья частично проживала в деревне у дяди. Деревенская грубость и озорство наложили на них свою печать. Все трое занимались проституцией, пьянствовали, научившись этому с ранних лет от отцов — алкоголиков. Двое из них имели несколько более длительное сожительство, а одна даже дважды вступала в брак, но оба раза неудачно. Характерными фактами для данной группы являются: раннее усвоение дурных привычек, безразличие к половым связям, отсутствие знакомства с каким либо профессиональным трудом (кроме, разве, крестьянской работы), легкая податливость опьянению и отсутствие других интересов, кроме дешевых развлечений.

Последние два случая обследованных нами относятся к молодым женщинам, осужденным за соучастие в убийстве.

1) Антонина Р. 18 лет, дочь красноармейца, рабочего, пропавшего без вести, когда девочке было 9 лет, мать умерла за год до этого. Девочку, как сироту, поместили в детский дом. Здесь Антонина воспитывалась до 16 лет, переменяя 4 детских учреждения. Отрицательные стороны своего воспитания объясняет наличием плохих воспитателей; хорошего из времени приютской жизни не помнит. Училась не плохо и дошла до II ступени, но затем бросила учиться потому, что „баловалась с девочками, которые подговорили ее бросить ученье“. По выходе из детдома поступила галошницей на зав. „Красный Треугольник“, где зарабатывала 50 рублей. Но через три месяца бросила работу по уговору тех же подруг. Стала пьянствовать с подругами и жить половой жизнью, заводя случайные связи. К этому же времени относится и судимость

ее за кражу за которую отбыла три месяца лишения свободы. По выходе из исправдома сошлась с 19-ти летним рабочим, который хотя и выпивал, но был работающим. Однако эта связь не помешала ей по прежнему водить знакомство, с парнями. Осуждена на 1 год за укрывательство убийства: „парнишки убили, а я знала об их преступлении“ рассказывает она. Фактически была соучастницей убийства; „стояла на стреме“. Плохие подруги и товарищи, неустойчивость в работе и неопытность явились главными факторами, вовлекшими ее в преступление. Однако природные способности и желание работать могут служить некоторым шансом возврата к трудовой жизни.

2) Другая обследуемая Надежда В. 17 лет, дочь крестьянина Олонецкой губ., осиротела 11 лет: отца убили, мать умерла от чахотки. С 6-ти лет воспитывалась у тетки, которая тяготилась ею, и в 9-ти летнем возрасте отдала в детский дом, где она пробыла до 15 лет. В детдоме почти ничему не научилась, так как не было охоты учиться. Поступила ученицей в фабзавуч. Училась в ФЗУ полтора года, потом уволилась, не хотела работать. Совершила кражу. В ФЗУ, под руководством подруги начала половую жизнь. По отбытии заключения сошлась с молодым парнем, но, повидимому занималась и проституцией. В настоящее время отбывает лишение свободы, сроком на два года, за участие в убийстве. Вместе с парнями, по ее словам, она завлекла инженера в сад, здесь его ограбили, а он умер от холода. Надежда активного участия в грабеже не принимала, а стояла „на стреме“. Преступление свое объясняет глупостью. По выходе из исправдома думает отстать от подруг и вести честную жизнь.

В обоих случаях мы имеем здесь дело с сиротами, проведенными большую часть своего детства в детских домах. Здесь они пробыли с 9-ти до 15—16-ти лет и, выйдя отсюда совершенно одинокими, легко сдружились с порочными подругами и парнями. Обе еще не переступили возраста совершеннолетия, но уже довольно прочно связались с преступной средой в большинстве случаев из числа тех же детско-домских ребят. Обе осуждены за тяжкое преступление, но почти не сознают тяжести своего поступка: специальное сознание в них очень слабо развито, хотя одна из них была пионеркой, а другая состояла в комсомоле, правда, обе пробыли там лишь по несколько месяцев. В поступках обеих видна крайняя неопытность и легкая податливость дурным влияниям.

Таковы отдельные типы начинающих молодых рецидивисток. При некотором разнообразии совершенных ими преступлений все они довольно однородны. Почти у всех их мы наблюдаем безотрадную обстановку детства, безнадзорность или беспризорность в юношеском возрасте, и неизбежное, связанное с этим разлагающее влияние дурных товарищей, сожителей и подруг. Большинство их является педагогически крайне запущенными, частью вследствие природной умственной

слабости, частью вследствие крайней недостаточности педагогических влияний. Умственная отсталость нередко сочетается с моральной тупостью и легкой внушаемостью, вследствие слабоволия и недостаточного жизненного опыта. И неоднократно судившаяся за хулиганство молодая проститутка, и женщина — воровка, и соучастница в убийстве обычно тупо и равнодушно относятся к содеянным преступлениям и к своей судьбе, и лишь угроза высылкой волнует их. Их настроение повышается лишь под влиянием выпитого алкоголя или под действием бульварных фильмов. Картины яркой и заманчивой жизни буржуазного общества, изображенные на фильмах, упав на мутное, слабо развитое сознание таких женщин, стимулируют их чувственность, волю и погоню за удовольствиями, а отсутствие всякого присмотра и руководства открывает легкую возможность сближения с преступными элементами для реализации этих стремлений. Пьянство родителей, нужда и отсутствие профессионально-трудовых навыков толкают их на улицу, где они втягиваются в проституцию и воровство.

Но при всей мрачности данного нами описания и диагноза раннего женского рецидивизма, педагогический прогноз в отношении значительного большинства обследованных нами молодых рецидивисток является благоприятным. Лишь в одном случае, несмотря на ряд положительных свойств личности осужденной (искренность, волевою устойчивость), прогноз неблагоприятен в виду полной непригодности к труду, тяжелой, наследственной отягощенности. В остальных случаях шансы на исправление имеются благоприятные, при условии изменения их социальных условий, привития трудовых навыков и длительного воспитательного воздействия, направленного к изменению некоторых черт характера.

Психологическое исследование изученной нами группы дало нам следующие выводы:

А. Положительные черты характера:

достаточная уверенность в себе	2
искренность и откровенность	3
стремление к исправл. и развитию	2
стыдливость и раскаяние	2
любовь к труду и ученью	2
привязанность к семье и близким	3
волевая устойчивость	1

Б. Отрицательные черты характера.

замкнутость, скрытность	4
слабоволие, внушаемость	4
агрессивность и повыш. возбуд.	3
моральная тупость и безразличие	3

Мы характеризовали здесь только те черты характера, которые могут рассматриваться как психологические доминанты личности, не ставя своей задачей дать полную психологическую характеристику. Как видим, социально-отрицательные черты компенсируются таким же числом черт социально-положительных. Частота шизофренических черт (замкнутость, скрытность) нередко находит свое объяснение в различных психических травмах, испытанных в период детства и юности, и эти дефекты постепенно могут быть изглажены. Моральная тупость и безразличие также не всегда связаны с олигофренией или наследственным отягощением. Наконец, агрессивность и повышенная возбудимость являются часто продуктом функционального расстройства нервов, вызванного ненормальными условиями жизни (алкоголь, половые излишества и пр.), поддающимся систематическому лечению.

В смысле физической и умственной одаренности в качестве благоприятных данных у обследуемых можно отметить: в шести случаях приятную, нормальную внешность и развитость, в трех—способности к усвоению трудовых навыков и в одном—хорошую умственную одаренность. Неблагоприятными моментами одаренности являются в восьми случаях явно пониженная умственная одаренность, в трех—крайняя нервная неустойчивость, в трех—физические уродства и дефекты и в четырех—неспособность к усвоению трудовых навыков. Оговоримся, что все наши данные почерпнуты из характеристик воспитательниц и личных наблюдений исследователей, а не путем специального врачебного и психологического обследования.

000093146

ЮФ СПбГУ